

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 421–426
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 421–426
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-421-426>, EDN: ZRNTSW

Научная статья
УДК [322:277.4](470.44) 19/20]

К вопросу о взаимоотношениях государства и евангельских христиан-баптистов (на примере Саратовского Поволжья)

Ж. В. Яковлева

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Яковлева Жанна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, zhanna.yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, AuthorID: 907393

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимоотношений государства и евангельских христиан-баптистов на протяжении истории их существования в Саратовском Поволжье. Эти взаимоотношения прошли сложный и противоречивый путь от неприятия их русской православной церковью и государством до включения религиозной общности в социальную жизнь общества. Идеи и деятельность общности на современном этапе истории закрепились в обществе и стали нормой в результате постепенного смещения окна дискурса. В результате этого процесса со временем у евангельских христиан-баптистов появилась возможность высказывать и отстаивать идеи, которые раньше считались радикальными или неприемлемыми.

Ключевые слова: евангельские христиане-баптисты, Саратовское Поволжье, государственно-конфессиональные отношения, XX–XXI века, межконфессиональный диалог

Для цитирования: Яковлева Ж. В. К вопросу о взаимоотношениях государства и евангельских христиан-баптистов (на примере Саратовского Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 421–426. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-421-426>, EDN: ZRNTSW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the question of relations between the state and evangelical Christians-Baptists (on the example of the Saratov Volga region)

J. V. Yakovleva

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Zhanna V. Yakovleva, zhanna-yakovleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5054-803X>, AuthorID: 907393

Abstract. The article is devoted to the analysis of the relationship between the state and Evangelical Christians-Baptists throughout the history of their existence in the Saratov Volga region. These relationships have gone through a complex and contradictory path from their rejection by the Russian Orthodox Church and the state to the inclusion of the religious community in the social life of society. The ideas and activities of the community at the present stage of history have become entrenched in society and have become the norm as a result of a gradual shift in the window of discourse. As a result of this process, over time, Evangelical Christians-Baptists have had the opportunity to express and defend ideas that were previously considered radical or unacceptable.

Keywords: Evangelical Christians-Baptists, Saratov Volga region, state-confessional relations, XX–XXI centuries, interfaith dialogue

For citation: Yakovleva J. V. On the question of relations between the state and evangelical Christians-Baptists (on the example of the Saratov Volga region). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 421–426 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-3-421-426>, EDN: ZRNTSW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

История русского баптизма, начавшаяся с крещения Никиты Воронина немецким баптистом Мартином Кальвейтом в Тифлисе 20 августа 1867 г., является ярким примером религиозного движения, преодолевшего значительные препятствия на пути к свободному существованию.

Крещение Никиты Воронина стало символом начала длинного и сложного пути, который

привел к формированию одной из крупнейших протестантских конфессий в России. Воронин, изначально молоканин по вероисповеданию, был своеобразным мостом между уже существовавшими в России религиозными группировками и западным баптизмом, принес с собой уникальный синтез верований и традиций [1].

Первые исследования, посвященные русскому баптизму, появились в конце XIX в. Они были написаны представителями русской православной церкви и носили полемический характер. В этих работах баптизм рассматривался как еретическое учение, а его распространение в России – как угроза православию. Одним из первых исследователей русского баптизма был православный миссионер протоиерей Т. И. Буткевич. В своих работах он подвергал критике баптистов за их отказ от православной традиции и баптистские идеи [2]. Другим подобным примером может служить книга протоиерея Иоанна Смолина, изданная в 1911 г. [3]. В этот же период появились работы, написанные самими баптистами или сочувствующими им авторами. Эти исследования носили апологетический характер и были направлены на защиту прав баптистов и объяснение их учения. Одна из первых попыток баптистов написать свою историю – «Очерк истории, церковного устройства и принципов баптистских общин» Василия Гурьевича Павлова [4, с. 322].

После Октябрьской революции 1917 г. отношение к баптистам изменилось. Баптистские общины были объявлены контрреволюционными организациями, а их деятельность была запрещена. В этот период исследования русского баптизма практически прекратились. Многие материалы были засекречены или уничтожены. Однако некоторые исследователи продолжали изучать историю баптистского движения, несмотря на идеологические ограничения. Примером таких исследований может служить работа А. И. Клибанова «История религиозного сектантства в России», изданная в 1965 г. Его исследование помогло понять особенности развития баптистских общин в условиях советской власти [5].

С распадом Советского Союза и изменением политической ситуации в стране, исследования по истории русского баптизма получили новый импульс. Появилось множество работ, посвященных истории, идеологии и деятельности баптистских церквей в России. Среди наиболее значимых работ этого периода можно выделить труды Л. Н. Митрохина, который провел глубокое исследование истории и идеологии баптизма [6].

Современные исследователи продолжают изучать различные аспекты русского баптизма, такие как его история, идеология, социальная деятельность и взаимодействие с государством. Среди наиболее значимых авторов можно выделить С. Н. Савинского [7], Ю. С. Грачева [8] и других.

Таким образом, историография русского баптизма прошла долгий путь от полемических работ начала XX в. до научных исследований современного периода. Современные авторы стремятся к объективному изучению этой темы, учитывая как исторические, так и современные аспекты развития баптистских общин в России.

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи наблюдалось притеснение баптистов

со стороны государственной власти и Русской Православной Церкви. Эти преследования, нередко проявлявшиеся в жестоких действиях, затрагивали не только самих баптистов, но и сторонников других протестантских деноминаций.

Первый съезд русских баптистов, прошедший в 1884 г. в Нововасильевке, стал важным событием, которое ознаменовало создание Союза русских баптистов Южной России и Кавказа. Эта организация была основана с целью противостоять религиозным преследованиям. Таким образом, баптисты пытались создать единую платформу для защиты своих прав и свобод вероисповедания в условиях жесткого давления со стороны государства и церкви.

Ситуация резко изменилась после событий 1905 г. Царский Указ «Об укреплении начал веротерпимости» и Октябрьский Манифест, провозгласивший свободу совести, дали баптистам долгожданную возможность легальной деятельности. Это сразу же отразилось на жизни общин: они получили право на официальную регистрацию, проведение съездов и миссий, издание духовной литературы и проведение публичных собраний [9, с. 257–258]. Однако эта относительная свобода была недолговечной.

Наступление Первой мировой войны снова привело к возобновлению преследований. Государственный аппарат, сосредоточившийся на военных усилиях, стал менее терпимым к любым проявлениям инакомыслия, включая религиозное. Гонения прекратились только после Февральской революции 1917 г., отметившей начало короткого периода религиозной свободы для баптизма в России.

Примечательно, что еще до Октябрьской революции большевики, несмотря на свою атеистическую идеологию, выражали протест против гонений на баптистов, видя в этом проявление несправедливости и нарушения прав человека. Израильский советолог Михаил Агурский в 1980 г. писал: «религиозный нигилизм и большевизм быстро обнаружили общность интересов, несмотря на кажущуюся противоположность» [10, с. 26]. Агурский упоминает о поддержке большевиками некоторых протестантских деноминаций, таких как баптисты, евангелисты и адвентисты седьмого дня. Эта поддержка, однако, не носила характера идеологического союза. Она была скорее инструментом достижения политических целей. Большевики видели в этих группах потенциальных союзников в борьбе против существующего строя, игнорируя теологические различия ради достижения своей революционной цели.

Саратовское Поволжье отличалось конфессио-нальным многообразием, и представители баптизма являлись частью религиозной жизни губернии. Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., среди малочисленных религиозных общностей в Саратовском Поволжье выделялись баптисты, которые составляли

827 человек, т. е. 0,03% всего населения региона [11, с. 76–77; 12, с. 56–57].

В Саратове на 23 октября 1918 г. была зарегистрирована одна баптистская община [13, л. 60]. В первые десять лет после Октябрьской революции 1917 г., особенно в период НЭПа, наблюдался стремительный рост и географическое распространение их общин по стране, русские протестанты пользовались относительной свободой. В 1920-е гг. евангельские христиане-баптисты, пользуясь конституционным правом на религиозную пропаганду, открывали новые собрания, выпускали литературу и периодические издания.

18 ноября 1921 г. Народным комиссариатом юстиции был выпущен циркуляр под номером 7320, в рамках которого региональным властям предписывалось в течение двух недель собрать и систематизировать данные о сектах, действующих на территории губернии. Особое внимание в циркуляре уделялось необходимости детального анализа уставов каждой секты для выявления их уникальных особенностей [13, л. 27]. Таким образом, несмотря на лояльность к некоторым религиозным организациям, они оставались под пристальным вниманием властей.

По архивной статистике на 1 октября 1925 г. в Саратовской губернии было зарегистрировано 15 баптистских организаций верующих [14, л. 35].

С 1929 г. все конфессии, деноминации и другие религиозные организации стали объектом антирелигиозной кампании, начались масштабные гонения на религию. Это проявлялось в активной антирелигиозной агитации и пропаганде, конфискации молитвенных зданий, лишении регистрации религиозных общин, а также репрессиях в отношении духовенства, религиозных лидеров и простых верующих. Советское руководство пошло на ряд законодательных инициатив, включая Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. [15], которое значительно упростило процедуру закрытия молитвенных домов и храмов всех конфессий и деноминаций, а также прочих религиозных групп. Таким образом, происходило систематическое подавление религиозной жизни и применялись карательные меры в отношении религиозной активности.

В 1920–1930-е гг., несмотря на репрессии со стороны государства, в Балашовском районе Саратовского Поволжья были активно представлены различные религиозные направления, такие как баптисты, молокане, субботники, адвентисты, сионисты, хлысты и толстовцы. Всего было зарегистрировано более 3 тысяч последователей сект. Местные власти отмечали, что это лишь «активисты», и установить полную численность религиозных групп невозможно. Большинство баптистов проживало также в Саратовском, Новоузенском, Вольском и Екатериновском районах. Баптистские общины получали центрально издаваемый в СССР журнал «Баптист» и другую литературу, значи-

тельная часть которой поступала из-за границы [16, л. 48; 30, с. 31].

В 1927 г. в Саратовской баптистской общине, насчитывавшей около 180 членов, примерно 20% составили рабочие. Главой общины был Мароков, которого Саратовский губком описал как «хитрого и пронырливого». Внутренние противоречия и разногласия также способствовали расколу внутри религиозных групп, как, например, отделение прохановцев в 1925 г. [17, л. 13; 30, с. 31–32].

К концу 1920-х гг. в Саратовском Поволжье баптистские общины в основном были сформированы из людей со средним и низким достатком. Зажиточные крестьяне составляли около 20–40% общины. Многие из этих общин функционировали в форме производственных кооперативов, создавая как продовольственные, так и промышленные товары. Так, в Летяжевке и Малиновке Балашовского района баптистские кооперативы занимались производством сыра и ткачеством [18, л. 94; 30, с. 32].

Баптисты и молокане в Саратовском Поволжье активно противодействовали советской системе образования. Культурному походу в деревне они противопоставили свою собственную программу «ликвидации библейской неграмотности», обучая своих прихожан основам христианской веры. Библейские школы-передвижки в сопровождении хоровых и музыкальных кружков побывали в Ртищеве, в селах Нарышкино, Макарово, Львовка, Большая Грязнуха и др. населенных пунктах [19, л. 48; 30, с. 32].

Комсомольской и пионерской организациям, являвшимся опорой советской власти среди молодежи, баптисты и молокане противопоставили собственные молодежные и детские организации. Вместо комсомола возникла организация «христомол», а вместо пионерской – «христианские зернышки» или «белые пионеры» [19, л. 48 об.; 30, с. 32–33].

В партийных отчетах из местных региональных архивов баптисты встречаются чаще, чем другие протестантские общины, что связано, скорее всего, с их многочисленностью в регионе и более агрессивным сопротивлением антирелигиозной политике советского государства. Для усиления влияния на молодежь баптисты и молокане выступали с агитацией и пропагандой своего вероучения перед школьниками, обучающимися техникумов и вузов. Евангельские христиане-баптисты не принимали участие в советских мероприятиях: посещение театра или кино, обращение в советский суд [19, л. 48]. Жесткая позиция баптистов и молокан по отношению к компромиссам с советской властью – исключение из общины. Эти религиозные общины создавали свою систему ценностей, параллельную советской, отвлекая верующих от влияния идеологии коммунизма.

В 1928 г. среди баптистских общин распространялось письмо, в котором содержались такие строки: «Мы, проповедники Евангелия в СССР,

находимся в огненном кольце антихристово окружения <...> для того, чтобы побеждать врага нам нужно овладеть его оружием, изучить его приемы, тактику, методологию. Мы, проповедники Евангелия, в условиях переживаемого момента должны заняться серьезным и основательным изучением безбожной печати и литературы» [20, л. 38].

Деятельность евангельских христиан-баптистов часто поощрялась и приветствовалась населением, а советские массовые культурно-просветительские мероприятия часто не воспринимались [14, л. 34].

После серьезных репрессий 1930-х гг. баптисты, как и многие религиозные группы, деноминации и конфессии ушли в подполье, однако за их численностью и деятельностью продолжало пристально следить управление НКВД [21, л. 1–3].

Из отчета Саратовского облсовета за 1940 г. следует, что наиболее религиозными районами оставались Ершовский, Аркадакский, Самойловский, Екатериновский, Вольский, Пугачевский, Ворошиловский и Ртищевский [22, л. 94]. В Балашове, Баланде, Волжском районе присутствовали общины баптистов, субботников, хлыстов, молокан, голубцов, а наиболее активно проявляли западно-христианские общины [22, л. 37].

Великая Отечественная война – совершенно новый период государственно-конфессиональных отношений. Все конфессии, которые сохранились в СССР, в том числе в Саратовском Поволжье, в «осколочном состоянии» призвали верующих мобилизовать все свои силы на борьбу с фашистами и всячески оказывать поддержку советской власти в этой войне. Председатель Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ) М. А. Орлов проводил патриотические собрания, на которых призывал верующих идти добровольцами в Красную армию, участвовать в сборах пожертвований для нужд фронта [23, с. 45].

Советское правительство начало сотрудничество с христианскими объединениями, так как множество баптистов находилось в Америке и Англии. Вероятно, это было сделано для повышения имиджа СССР в глазах потенциальных союзников во время Второй Мировой войны. В мае 1942 г. евангельские христиане получили разрешение на объединение оставшихся общин в общий союз. В октябре 1944 г. в Москве был основан Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов.

Вскоре после создания Временного совместного совета евангельских христиан и баптистов было направлено обращение ко всем христианам мира с призывом объединиться в борьбе с фашизмом. Также было написано второе письмо к евангельским христианам и баптистам внутри страны [24].

В течение войны в Саратовском Поволжье были поданы 12 просьб открыть молитвенные дома от различных религиозных групп, но к концу 1945 г. ни одна из просьб не была удовлетворена [25, л. 50].

Обращения баптистов из Ртищево и Энгельса игнорировались, поскольку помещения были признаны непригодными [25, л. 28]. В Саратовской области на конец 1945 г. осталось 22 группы верующих различных конфессий, включая 6 евангельских христиан-баптистов [25, л. 30].

Отказ в ходатайстве о регистрации молитвенных домов в Ртищево и Энгельсе в 1946 г. и нерешенность этой проблемы к 1953 г., несмотря на существование неофициальных собраний до 120 человек, наглядно демонстрирует препятствия, с которыми сталкивались нетрадиционные религиозные группы [26, л. 89].

Докладная записка секретаря Татищевского райкома Хазова о том, что баптистская община в ст. Курдюм состояла исключительно из молодежи, подчеркивает особое внимание властей к религиозной активности среди молодого поколения, которое считалось особенно уязвимым для идеологического влияния. В 1947 г. вернулся руководитель секты баптистов, осужденный на 10 лет, и снова занялся религиозной деятельностью [27, л. 27].

Существование лишь одной зарегистрированной общины евангельских христиан-баптистов в Саратове в 1948 г., при одновременной подаче ходатайств об открытии храмов в Хвалынске, Балашове и Вольске (белокриницкой иерархии и беглопоповцев), которые так и не были удовлетворены даже на уровне Совета по делам религиозных культов, свидетельствует о систематическом ограничении деятельности религиозных организаций. Так, за 1946–1953 гг. в Саратовской области религиозным меньшинствам удалось добиться открытия всего лишь двух молитвенных зданий [28, л. 137].

Православная церковь, хотя и находилась под строгим контролем, пользовалась значительно большей свободой действий, чем, например, баптисты, старообрядцы или мусульмане. Это объясняется стратегическим значением Русской православной церкви в идеологической борьбе и попыткой использовать ее как инструмент государственной политики. Однако и Русская православная церковь не была застрахована от давления и репрессий – просто форма этого давления и его интенсивность отличались от того, с чем сталкивались другие конфессии.

Хрущевская антирелигиозная кампания усилила давление на баптистов. В декабре 1959 г. на Пленуме Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов «в обстановке давления со стороны внешних сил» были приняты два документа: «Положение о Союзе евангельских христиан-баптистов в СССР» [29] и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам Всесоюзного совета евангелических христиан-баптистов» [1].

Под давлением властей религиозные лидеры были вынуждены запретить собрания иностранных проповедников, групповую молитву в домах, поездки в другие общины и т. д. Пресвитерам

рекомендовали сократить количество проповедей, что шло вразрез с убеждениями евангельских христиан-баптистов. Недовольство этими решениями, наряду с общей оппозицией к антирелигиозной кампании, привело к созданию нелегального Совета церквей евангелических христиан-баптистов [30, с. 221].

Постепенно многие религиозные группы прекратили свое существование, например, пятидесятники в Саратове, Новоузенске, Энгельсе, Хвалынске, баптисты, старообрядцы и мусульмане в ряде районов области [31, л. 24].

Несмотря на действия, направленные борьбу с религиозными организациями, многие общины продолжали собираться нелегально, отправляя прошения о регистрации в различные инстанции. Однако если в 1930-х гг. атеистическая борьба была нацелена на физическое уничтожение религиозных организаций, то хрущевские гонения осуществлялись путем административного прессинга и воздействия, давления на верующих и изображение последних в малопривлекательном виде в глазах населения.

С 1958 г. кампания усилилась. Арнгольд – лидер адвентистов из г. Энгельса Саратовской области, активно пропагандировал объединение с баптистами, однако встречал сопротивление со стороны последних. На конец 1950-х гг. в регионе насчитывалось 10 незарегистрированных баптистских общин. Среди общин были и такие, численность которых превышала 70 человек, например в Энгельсе. Самая маленькая группа, всего 8 человек, существовала в с. Новый Сакур Татищевского района [31, л. 28–29].

В Саратове в конце 1950-х гг. действовали две баптистские группы под руководством Щелокова и Краснова, общая численность которых достигала 240 человек [31, л. 39]. Баптисты продолжали быть наиболее многочисленными общинами среди других религиозных организаций в области [31, л. 29].

По Союзу возникло движение «инициативников», выступавших за свободу религиозной пропаганды и миссионерской деятельности. Появление в 1961 г. инициативной группы евангельских христиан-баптистов положило начало движению, в ходе которого была сформирована церковная организация, альтернативная ВСЕХБ [32, с. 123].

В Саратове баптистские общины не были едины. Существовала вражда между общинами Щелокова и Краснова в Саратове. Вражда между ними была основана на том, что сторонники Краснова добивались официальной регистрации общины, а Щелоков считал это приспособленчеством, противоречащим духу веры: «Зарегистрированные не Богу служат, а дьяволу», – заявлял он [32, с. 123].

Таким образом, период с 1941 до середины 1950-х гг. не характеризовался безусловной лояльностью государства к религии в целом. Государственно-конфессиональная политика была крайне селективной, и предпочтение отдавалось Русской православной церкви, несмотря на крайне жесткий

нажим в 1930-е гг., и ограничивая деятельность всех остальных религиозных организаций. Хотя формально наблюдался рост числа общин, этот рост происходил в условиях постоянного контроля и давления, что не позволяло свободному развитию религиозной жизни в СССР. Это было время тонкого баланса между использованием религии в государственных целях и попытками ограничить ее влияние. Скрытая идеологическая борьба продолжалась, и прикрытие под «лояльностью» было лишь временной тактикой.

На сегодняшний день общая численность евангельских христиан-баптистов на территории постсоветского пространства превышает 400 тысяч человек.

Российский Союз евангельских христиан-баптистов объявил 2025 г. Годом мира и единства, подчеркнув необходимость мира и сплоченности в обществе. Председатель Союза Петр Мицкевич призвал верующих активно молиться за мир и процветание.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл неоднократно подчеркивал важность межконфессионального диалога и взаимного уважения, говоря о необходимости относиться ко всем людям, вне зависимости от их вероисповедания, с любовью и уважением, как к ближним.

В частности, Патриарх высоко оценил моральные позиции евангельских христиан-баптистов, отметив их близость к догматам Русской Православной Церкви, особенно в вопросах святости брака и семьи, традиционных ценностей и воспитания подрастающего поколения. Это сходство в подходах, несмотря на теологические нюансы, является важным фактором для построения конструктивного взаимодействия между двумя конфессиями.

Церковь евангельских христиан-баптистов в Саратове представляет собой яркий пример активного участия религиозной организации в общественной жизни города. Она функционирует не только как центр духовной жизни для верующих, проводя регулярные богослужения, но и как значимая культурная площадка. Евангельские христиане-баптисты – самая многочисленная протестантская конфессия в Саратовской области, которая объединяет более 15 церквей [33].

В заключение стоит отметить, что в конце XIX и начале XX вв. баптисты в Российской империи подвергались преследованиям со стороны властей и Русской православной церкви. После Октябрьской революции, особенно в период НЭПа, они испытывали относительную свободу. Однако в 1930-х гг. все конфессии и религиозные группы стали жертвами антирелигиозной кампании. Тем не менее с началом Великой Отечественной войны, несмотря на предыдущие гонения, религиозные общины, в том числе и в Саратовском Поволжье, призвали своих прихожан бороться с фашизмом и поддерживать советское руководство. В ходе антирелигиозной кампании при Хрущеве

давление на баптистов вновь возросло, что подчеркивает неустойчивость религиозной свободы того времени. С 1941 г. до середины 1950-х гг. не наблюдалось однозначной лояльности к религии. Начиная с конца 1980-х гг., отношение к баптистам изменилось в сторону большей свободы. В настоящее время в Российской Федерации баптистам гарантируется право на свободу совести и вероисповедания согласно статье 28 Конституции.

Список литературы

1. Протестанты земли российской // Централизованная религиозная организация Российский союз ЕХБ. URL: <https://baptist.org.ru/about/our-history> (дата обращения: 01.02.2025).
2. Буткевич Т. И. Штундо-баптизм. Харьков : Тип. Губернского правления, 1909. 36 с.
3. Смолин И. В. Краткие исторические сведения о русских сектах и их вероучении. СПб. : Типо-литография т-ва «Свет», 1911. 64 с.
4. Павлов В. Г. Правда о баптистах. Очерк истории, церковного устройства и принципов баптистских общин // Баптист. 1911. № 41. С. 322–325.
5. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России. (60-е годы XIX век – 1917). М. : Наука, 1965. 344 с.
6. Митрохин Л. Н. Баптизм: история и современность: философско-социологические очерки. СПб. : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. 480 с.
7. Савинский С. Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. СПб. : Библия для всех, 1999. 424 с.
8. Грачев Ю. С. В Иродовой бездне. Коломна : Изд-во Благовестник, 1993. 890 с.
9. Указ «Об укреплении начал веротерпимости». 17 (30) апреля 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Санкт-Петербург, 1908. Т. 25, отд. 1. № 26125. С. 257–258.
10. Азурский М. С. Идеология национал-большевизма. Paris : YMCA-PRESS, 1980. 321 с.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVIII : Саратовская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. 250 с.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. Т. XXXVI : Самарская губерния. 201 с.
13. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-546 (Губернский отдел юстиции). Оп. 1. Д. 145.
14. ГАСО. Ф. Р-522 (Нижеволжский краевой исполнительный комитет). Оп. 3. Д. 73.
15. О религиозных объединениях: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1929 г. № 35, ст. 353. М. : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1929. С. 474–483. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/357676-sobranie-uzakoneniy-i-rasporyazheniy-raboche-krestyanskogo-pravitelstva-rsfsr-za-1929-g-locale-nil-24-42-otdel-pervyy#mode/inspect/page/146/zoom/4> (дата обращения: 01.01.2025).
16. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 55 (Нижеволжский крайком ВКП(б)). Оп. 1. Д. 79.
17. ГАНИСО. Ф. 27 (Саратовский губком ВКП(б)). Оп. 4. Д. 729.
18. ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113.
19. ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 111.
20. Государственный исторический архив немцев Поволжья. Ф. Р-998 (Совет народных комиссаров Автономной Советской Социалистической республики немцев Поволжья). Оп. 1 д. п. Д. 101.
21. ГАНИСО. Ф. 6160 (Областной совет СВБ). Оп. 1. Д. 52.
22. ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42.
23. Королева Л. А., Королев А. А., Артемова С. Ф. Власть и евангельские христиане – баптисты в России 1945–2000 гг. Эволюция взаимоотношений. Пенза : ПГУАС, 2013. 336 с.
24. Патлань Ю. В. «Ибо слово Господне право и все дела Его верны»: из истории Красноворотской общины евангельских христиан в Москве // Научно-культурологический журнал RELGA.RU. 2018. № 06 (339). URL: <https://relga.ru/articles/5419/> (дата обращения: 01.01.2025).
25. ГАНИСО. Ф. 594 (Саратовский обком КПСС). Оп. 1. Д. 4774.
26. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1761.
27. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1080.
28. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 665.
29. Положение о Союзе евангельских христиан-баптистов в СССР // Русский баптист. URL: <http://www.rusbaptist.stunda.org/dop/sceb/polozen.htm> (дата обращения: 02.02.2025).
30. Яковлева Ж. В., Гусева Я. Ю. Церковь в стране Советов: государственно-церковные отношения в Саратовском Поволжье в 1920-е – 1960-е годы. Саратов : Техно-Декор, 2023. 336 с.
31. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4849.
32. Глушаев А. Л. Несогласные: региональные особенности движения баптистов-инициативников в первой половине 1960-х гг. (на материалах Пермской области) // Вестник ПСТГУ. Вып. 2 (25). 2014. С. 123–133.
33. Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл ответил на вопросы протестантов // Протестант.ру. URL: <https://www.protestant.ru/read/article/62394> (дата обращения: 15.09.2024).

Поступила в редакцию 21.02.2025; одобрена после рецензирования 29.03.2025; принята к публикации 12.04.2025; опубликована 29.08.2025

The article was submitted 21.02.2025; approved after reviewing 29.03.2025; accepted for publication 12.04.2025; published 29.08.2025